

ФАКТОРЫ АКТИВАЦИИ ЕДИНИЦ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ПРИ БЛИЗКОРОДСТВЕННОМ БИЛИНГВИЗМЕ

Екатерина С. Худякова

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь, Россия*

Keywords: mental lexicon, closely related bilingualism, Russian, Czech, word activation, speech frequency, cognates, semantic motivation.

Summary: The influence of factors of speech frequency, phonetic similarity (cognates) and the presence of a motivating semantic connection (“internal form of a word”) on the word activation when moving from the native language to the unit of the second one and vice versa is considered in the article. It is shown that the lexicon in the native language (Russian) is organized semantically and the units store the speech frequency. A foreign language lexicon “builds on” it, while the search of Czech units is carried out according to a formal (phonetic) principle. The presence of a real etymological link between the closely related units of bilingual lexicon is ignored by the students, instead there is a tendency to false etymologization.

Ключевые слова: ментальный лексикон, близкородственный билингвизм, русский язык, чешский язык, активация лексики, речевая частота, когнаты, внутренняя форма слова.

Аннотация: В статье рассматривается влияние факторов речевой частоты, фонетического сходства и наличия мотивирующей семантической связи («внутренней формы слова») на активацию единиц при движении от родного языка к единице изучаемого и наоборот. Показано, что лексикон на родном языке (русском) организован семантически и единицы хранят речевую частоту. Иноязычный лексикон «надстраивается» над ним, при этом перебор чешских единиц осуществляется по формальному (фонетическому) принципу. Наличие реальной этимологической связи между единицами близкородственного билингвального лексикона игнорируется изучающими, вместо этого наблюдается тенденция к ложной этимологизации.

Введение. Исследование посвящено анализу внутриязыковых факторов, определяющих доступ к единице ментального лексикона (МЛ) при близкородственном билингвизме (русско-чешском). Обычно исследования условий доступа к единицам МЛ проводятся на материале неблизкородственных языков и единицы рассматриваются

как абстрагированные от конкретных естественных языков и их исторических связей. Представляется, что изучение устройства сети МЛ двух генетически близких языков позволит по-новому посмотреть на процесс доступа к единицам билингвального МЛ.

Понятия и термины. Ментальный лексикон – одно из «неопределенных», но часто используемых лингвистических понятий. В общем виде это сеть (или иерархия) лингвистических единиц, хранимых в памяти. Каковы эти единицы – только ли когнитивные (независимые от реализации на конкретном языке), собственно лексические (хранится и фонетическая форма, и семантика) или даже обладающие грамматической информацией – решается в каждом конкретном исследовании по-разному. В данном исследовании в качестве рабочего мы используем определение Т.И. Доценко и Ю.Е. Лещенко, согласно которому «ментальный лексикон – когнитивное образование, представляющее собой ассоциативно-вербальную сеть дистрибутивного типа связей между единицами. <...> Функционирование сети ментального лексикона основано на принципе распространения активации: активирование одного из узлов сети влечет за собой автоматическую и мгновенную активацию всего объема информации (собственно языковой, когнитивной, прагматической, вероятностной), связанной со словом» (Доценко, Лещенко, 2013: 372).

В нашей работе мы принимаем концепцию сети, основанной на распространении активации. Сам ход эксперимента, в том числе исправления и незаконченные реакции, подтверждает мысль о том, что поиск слова в МЛ представляет собой постановку и проверку конкурирующих гипотез, ряд которых отвергается. При этом мы исходим из положения, что эти гипотезы строятся на ряде признаков, приписанных каждой единице сети. Набор этих признаков, обеспечивающих доступ к единице МЛ при порождении и восприятии речи, достаточно широк: «Ментальный лексикон обеспечивает мост между формой и семантикой. При этом фонология, орфография, синтаксис, аргументная структура, морфология и лексическая семантика – все проявляется в входах МЛ» (Schreuder, Weltens, 1993: 4).

По мнению И.А. Секериной, помимо указанных выше признаков, «поиск слова в ментальном лексиконе зависит не только от этих внутренних характеристик слова, но и от внешних характеристик, таких как частота слова и влияние контекста» (Секерина, 2002: 236). Е.В. Глазанова, рассматривая только идентификацию слова, делает вывод: «В целом на время идентификации слов влияет смысловая

близость, ассоциативная связанность, возможность обращения к образу в памяти, совместная встречаемость, а также некоторые формальные характеристики прайма и стимула (частотность, длина, место ударения). Ни один из перечисленных признаков не является ведущим или единственным, важно только их влияние в совокупности» (Глазанова, 2001: 14).

Как видим, МЛ связан с двумя важнейшими процессами – распознаванием и пониманием слова, т.е. поиском единицы при восприятии речи (в западной традиции – идентификацией слова (word recognition)) и доступом к слову при порождении речи (в западной традиции – активацией слова (word activation или lexical access)) (Корниевская, 1992: 10).

В данном исследовании рассматривается не распознавание, а поиск слова при порождении речи. «Доступ к слову – лексическое кодирование в широком смысле есть воплощение мысли в вербальную форму. Под доступом к слову в работе понимаются процессы извлечения слов из ментального лексикона. Лексический выбор – это решение о том, какую лексическую единицу и на каком языке выбрать, чтобы при этом она соответствовала замыслу высказывания» (Корниевская, 2012: 10).

Вместо термина «доступ» мы используем другой термин – техническую метафору «активация», подчеркивающую существование механизмов / признаков, по которым осуществляется отбор единицы в МЛ.

Все вышесказанное касается как билингвального, так и монолингвального лексикона. Исследование билингвального лексикона приводит к особой проблеме: как в ментальный лексикон встроены единицы иностранного языка? Существует две основные концепции активации единиц в билингвальном МЛ. Согласно первой, концепт связан двусторонними связями с единицей языка 1 и языка 2 (Kroll, 1993: 66). Аннет де Гроот называет эту точку зрения концептуально-опосредованной, которая предполагает, «что конкретные лексемы образуют однозначные соответствия концепту – два имени» (Groot, 1993: 38).

Вторая концепция связи единиц в билингвальном лексиконе может быть названа лексико-опосредованной. Она предполагает, что доступ к единице языка 2 осуществляется через активацию лексемы 1, которая и связана с концептом (Kroll, 1993: 66). Джудит Кролл является сторонником смешанной концепции, согласно которой перевод с родного языка на иностранный включает концептуальную обработку, а перевод с иностранного на родной не должен быть чувствителен к

семантике (Kroll, 1993: 70). Движение от языка 2 к родному должно включать обработку собственно лексических, языковых факторов (фонетическое сходство, частота, грамматические признаки лексем и т.п.). Перефразируем для наших условий: при переводе с русского на чешский сбоек должно быть меньше, при этом при переводе с чешского на русский должно быть меньше сбоек при работе с близкими по форме, но отличающимися по семантике единицами.

Эту точку зрения подтверждает Питер Экке, работающий с феноменом «на кончике языка». Исследователь отмечает, что лексический поиск на изучаемом языке чаще включает фонологические признаки, а в родном – семантические (Ecke, 2009: 198).

Рассмотрим более подробно признаки, влияющие на активацию лексем. Что бы ни было принято за единицу лексикона, основные связи единиц и способы их активации следующие: фонетический облик (в основном принимается, что это начальные слоги слова), когнитивная информация (отражаемая категория), семантическая информация (связи между единицами, в том числе родо-видовые), субъективная частота единицы (Jarvis, Pavlenko, 2008).

В нашем исследовании проверяются фонетический принцип, семантический принцип (наличие внутренней формы слова – это «зримая» и объективированная в языке ассоциация мотивированной и мотивирующей единиц), а также принцип частоты.

По-видимому, обращая внимание на организацию ментального лексикона билингва, необходимо учитывать и близость языков. При наличии общих законов активации лексики в памяти, вероятно, степень значимости стратегий активации в зависимости от пары языков будет разной.

Джоан Гэй Снодграсс замечает, что на тест перевода оказывают влияние лишь четыре (из 10 рассмотренных ею) фактора: статус когнатов, доступность контекста, длина целевого слова и частота обоих слов (Snodgrass, 1993: 105).

По данным Аннет де Гроот, когнаты, т. е. когнитивные единицы двух языков с близкой формой и общим концептом, переводятся быстрее и с меньшим количеством ошибок, чем некогнаты (Groot, 1993: 42). Она цитирует работу Д. Скарборо и Л. Герард, в которой показано, что, помимо когнатов, успешнее активируются и ложные когнаты («ложные друзья переводчика»), и это, по мнению автора, подтверждает координативный характер билингвизма.

В нашей работе рассматриваются 2 из указанных факторов (когнаты и частота), т. к. считаем фактор длины слова-цели

несущественным при работе с лексикой близкородственных языков. Значимых различий по длине чешских и русских слов в слогах нет, наш материал отражает общую тенденцию к 2-4-сложности в обоих языках.

Цель исследования – рассмотреть влияние ряда внутриязыковых факторов на доступ к единицам русско-чешского лексикона. Отдельно изучается движение от русского лексикона к чешскому и обратно. В целом исследование должно показать некоторые характеристики устройства билингвального близкородственного МЛ у студентов, изучающих язык на начальном уровне.

Конкретно рассматривался фактор речевой частоты единицы в каждом языке. При этом исходным методическим положением выступает утверждение Р.М. Фрумкиной, что «субъективные представления испытуемых о частоте слов явно коррелированы с объективными данными, полученными из письменных источников» (Фрумкина, 1966: 92).

Пол Меара, работая с ассоциативными связями в англо-французском лексиконе, установил, что высокочастотные ассоциации родного языка переносятся на изучаемый французский, тем самым, по его мнению, семантически организованный лексикон родного языка надстраивает иноязычные единицы (Меара, 2009: 12).

Речевые частоты получены нами из текстовых данных – национальных корпусов русского и чешского языка.

Далее рассмотрен фактор фонетического сходства (совпадение формы единиц), который изучался в трех градациях: форма полностью совпадает (когнаты), форма полностью не совпадает (некогнаты), форма совпадает при различии значений (ложные когнаты, или «ложные друзья переводчика»).

Наличие внутренней формы у единицы изучаемого языка практически не рассматривается в литературе, т.к. предполагает работу только с близкородственными языками (или с неблизкородственными, но на высоком уровне владения, когда мотивационные связи устанавливаются между единицами уже в иноязычном лексиконе). Фактор наличия «внутренней формы» у единицы – семантический, он показывает существование мотивирующих связей между единицей и производящим словом. По-видимому, наличие внутренней формы слова изучаемого языка должно способствовать его успешной активации: «Сущность стратегии поиска слова по семантическим признакам заключается именно в уходе в глубь уровня обобщения. Чем выше пользователь ПЯ поднимается по спирали обобщения, тем больше возможностей

для лексикализации признака он находит, так как чем обобщеннее становится признак, тем большее число дифференциальных признаков входит в его состав» (Пойменова, 1999: 10). Внутренняя форма при этом может устанавливаться и с единицами родного языка при близкородственном билингвизме, поэтому, вероятно, должна сильнее работать при движении от русского лексикона к чешскому.

Гипотеза исследования: на успешную активацию единицы на изучаемом языке влияют разнообразные внутриязыковые факторы, например, фонетическое сходство (способствует) или различие (мешает), частота единицы в каждом языке (чем частотнее, тем легче активируется единица). Отдельно следует рассмотреть фактор наличия внутренней формы слова на иностранном языке: предполагаем, что осознаваемая внутренняя форма слова (то есть эксплицированная связь единицы 1 с другими единицами лексикона, обуславливающими, мотивирующими ее значение) должна способствовать активации данных единиц. Для подтверждения концепции смешанного характера билингвального лексикона необходимо проверить, действительно ли при движении от родного к иностранному языку активации способствуют формальные (частота и фонетическое сходство) факторы, а при движении от иностранного к родному – семантические.

Материал исследования получен в ходе эксперимента с 30 информантами, для которых русский язык является родным, а чешский изучается (на уровне А2). Эксперимент представляет собой так называемый «тест перевода» (translation test), успешно применяемый для исследования структуры ментального лексикона (Snodgrass, 1993). Для эксперимента были отобраны лексические единицы на тему «Пища», т. к. эта тема является наиболее денотативно понятной, «вещественной», и осваивается на иностранном языке достаточно рано.

Единицы для эксперимента распределены на 3 группы. Первая группа состоит из 12 единиц, совпадающих по форме с русскими: 7 с совпадающими планами выражения и планами содержания знака (*tvaroh* – *творог*, *ryba* – *рыба*, *chleb* – *хлеб*, *klobása* – *колбаска*, *dýně* – *дыня*, *vařit* – *варить* / *готовить*, *banán* – *банан*); 5 являются ложными когнатами (*salám* – *колбаса*, *jahoda* – *клубника*, *smetana* – *сливки*, *krájet* – *резать*, *strouhat* – *тереть*).

Ко второй группе отнесено 10 единиц, обладающих яркой внутренней формой: *sušenka* – *печенье*, *červená řepa* – *свёкла*, *holubinka* – *сыроежка*, *kozák* – *подосиновик*, *chobotnice* – *осьминог*, *lízátko* – *леденец*, *liška* – *лисичка*, *párek* – *сосиска*, *pažitka* – *зеленый лук*, *borůvka* – *черника*.

К третьей группе отнесены 10 единиц, не совпадающие по форме с единицами родного языка (*pstruh* – *форель*, *brambor* – *картофель*, *meruňka* – *абрикос*, *kachna* – *утка*, *veka* – *батон*, *rybíz* – *смородина*, *snídaně* – *завтрак*, *smažit* – *жарить*, *brokev* – *персик*, *zelí* – *капуста*).

Все единицы распределены между двумя этапами эксперимента равномерно (по 16 единиц). Первый этап представлял собой устное предъявление единиц на чешском языке и письменный ответ на русском. Во время второго этапа информантам предъявлялись русскоязычные единицы, а активировать необходимо было чешскую лексику. Распределение этапов эксперимента по языку предъявления принципиально важно для установления силы влияния языка предъявления (особенно для фонетически сходных единиц). Всего получено по 480 реакций на русском и чешском языках.

Методы исследования. Для организации экспериментального материала применялся метод формальной классификации и семантический анализ. Для установления речевой частоты единиц использовались данные Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка: электрон. ресурс) и Чешского национального корпуса (Český národní korpus: электрон. ресурс). Данных частотных словарей оказалось недостаточно, т.к. не все единицы в них представлены. Впрочем, составители «Частотного словаря чешского языка» использовали именно корпусные данные и считают такой подход наиболее адекватным (Čermák, 2011: 2). Все ответы информантов сведены в таблицу 1, неверные или отсутствующие ответы отмечены. Для обработки экспериментальных данных применялся статистический (в частности, корреляционный) анализ.

Количество полученных реакций (960) и количество единиц, показывающих влияние исследуемых факторов (12, 10 и 10), обеспечивают достоверность результатов исследования.

Результаты эксперимента. Сначала рассмотрим влияние фактора частоты единицы на успешность ее активации. В целом коэффициент корреляции по речевой частоте чешской и русской лексики, используемой для эксперимента, – 0,613 (высокий при уровне значимости 0,01). Ранги единиц по частоте представлены в таблице 1. Как видим, высокочастотные единицы в двух языках достаточно близки, различия касаются только малочастотных единиц, поэтому можно предположить, что влияние частоты (высокой) будет способствовать активации.

Таблица 1

Ранги единиц по частоте и успешность их активации¹

Единицы	Ранг по частоте, чеш.	Ранг по частоте, рус.	Речевая частота, абс., рус.	Речевая частота, абс., чеш.	Активация, абс. частота	Активация, %
ryba – рыба	1	2	6 568	9325	27	90
chleb – хлеб	2	1	18215	5837	30	100
<i>vařit – варить / готовить</i>	3	4	1 937	5414	28	93
<i>brambory – картофель</i>	4	6	1 648	4141	30	100
snídaně – завтрак	5	3	4 032	3430	15	50
smetana – сливки	6	11	830	2468	19	63
<i>liška – лисичка</i>	7	16	393	1531	25	83
zelí – капуста	8	7	1 169	1295	29	96
<i>kachna – утка</i>	9	8	1 132	1210	17	56
<i>jahoda – клубника</i>	10	22	253	1140	30	100
sušenka – печенье	11	10	840	1124	27	90
<i>banán – банан</i>	12	21	254	1032	30	100
<i>párek – сосиска</i>	13	30	55	732	24	80
<i>dýně – дыня</i>	14	25	164	729	30	100
tvarož – творог	15	12	605	705	26	86
červená řepa – свёкла	16	17	356	704	27	90
<i>krájet – резать</i>	17	5	1868	614	25	83
salám – колбаса	18	9	993	587	22	73
<i>borůvka – черника</i>	19	26	138	566	18	60
<i>klobása – колбаска</i>	20	29	64	489	28	93
<i>pstruh – форель</i>	21	18	351	438	22	73

¹ Курсивом выделены единицы, представленные в эксперименте по переводу русских единиц на чешский язык.

kozák – подосиновик	22	32	29	423	18	60
<i>meruňka</i> – <i>абрикос</i>	23	28	118	421	23	76
smažit – жарить	24	13	603	400	14	46
chobotnice – осьминог	25	24	177	395	18	60
broskev – персик	26	20	268	363	17	56
<i>pažitka</i> – <i>зеленый лук</i>	27	27	120	348	19	63
gybíz – смородина	28	19	304	321	16	53
<i>lízátko</i> – <i>леденец</i>	29	23	206	223	30	100
holubinka – сыроежка	30	31	37	183	21	70
<i>veka</i> – <i>батон</i>	31	15	408	112	26	86
strouhat – тереть	32	14	423	53	18	60

Как видно из таблицы, только единицы, занимающие первые два ранга по речевой частоте, имеют высокий процент активации, причем, если обратиться к таблице, большая зависимость успешной активации лексемы и ее частоты прослеживается для русского языка. Закономерно, что русскоязычные учебные билингвы опираются на частоту единиц русского лексикона даже при работе с чешским лексиконом (в таблице представлены все единицы вне зависимости от языка их предъявления). Таким образом, лексический признак частоты единицы родного языка способствует активации иноязычной лексемы, т. е. перенос осуществляется сугубо языковой.

Данные качественного наблюдения подтверждаются данными статистического анализа корреляции ответов и частоты единиц: при представлении с чешского (и выборе из русского лексикона) коэффициент ранговой корреляции между успешными ответами и частотой русских единиц – 0,476 (на 5-процентном уровне значимости).

При активации в чешском лексиконе (и движении от русского) коэффициент ранговой корреляции между успешными ответами и частотой чешских единиц – 0,212 (на 5-процентном уровне значимости).

Можно предположить, что при отборе единиц только при иноязычном предъявлении (и активации русскоязычных единиц) фактор речевой частоты значим, поскольку именно для родного языка частоты в языковом сознании действительно существуют, так как на родном языке информанты имеют значительно больший опыт, при этом значительное сходство самих частот русских и чешских единиц (напомним, коэффициент корреляции составляет 0,613) позволяет успешнее активировать чешские единицы, соответствующие более высокочастотным русским единицам.

При предъявлении единиц на родном языке (и выборе связанных на чешском, для которых, вероятно, частоты не сформированы из-за малого речевого опыта испытуемых) частота не оказывает влияния.

Далее рассмотрим влияние несовпадения формы на успешную активацию единицы. В таблицах 2 и 3 представлены результаты эксперимента при движении от русского и от чешского лексиконов (жирным шрифтом выделены единицы, обладающие внутренней формой).

Таблица 2

Данные эксперимента по активации русских лексем (от чешских)

Единицы	Частота активации, абс.
chleb – хлеб	30
zelí – капуста	29
ryba – рыба	27
sušenka – печенье	27
červená řepa – свёкла	27
tvaroh – творог	26
salám – колбаса	22
holubinka – сыроежка	21
smetana – сливки	19
kozák – подосиновик	18
chobotnice – осьминог	18
strouhat – тереть	18
broskev – персик	17
rybíz – смородина	16

snídaně – завтрак	15
smažit – жарить	14

Таблица 3

Данные эксперимента по активации чешских лексем (от русских)

Единицы	Частота активации, абс.
картофель – brambory	30
клубника – jahoda	30
банан – banán	30
дыня – dýně	30
леденец – lízátko	30
варить / готовить – vařit	28
колбаска – klobása	28
батон – veka	26
резать – krájet	25
лисичка – liška	25
сосиска – párek	24
абрикос – meruňka	23
форель – pstruh	22
зеленый лук – pažitka	19
черника – borůvka	18
утка – kachna	17

В целом, как видно из таблицы, ошибок при иноязычном предъявлении единицы значительно меньше, чем при русскоязычном. По-видимому, активировать русскоязычные единицы проще, чем иноязычные.

Рассмотрим влияние параметра фонетического сходства двух единиц МЛ. При чешском предъявлении успешность активации некогнатов (несовпадающих по форме единиц) составляет 78%, при русском – 60%. Поиск в чешском лексиконе, не поддержанный формальными признаками, как видим, осуществляется сложнее. При

этом поиск в лексиконе на родном языке, вероятно, в меньшей степени зависит от фонетического сходства.

При чешском предъявлении успешность активации когнатов (полностью совпадающих и по форме, и по семантике единиц) составляет 96%, при русском – 90%. Наши данные подтверждают выводы А. де Гроот об особой роли когнатов для успешной активации единиц иностранного языка, при этом отметим не 100% активацию данных единиц, связанную с орфографическими свойствами русско-чешских когнатов (см. далее качественный анализ ошибок активации).

При чешском предъявлении успешность активации ложных когнатов (частично совпадающих по семантике единиц при сходстве формы) единиц составляет 91%, при русском – 65%. На данный результат следует обратить внимание: для поиска в русском лексиконе статус ложных когнатов, даже при наличии единицы с иной семантикой (*smetana* – *сливки* и *сметана*), является фактором, способствующим активации. При поиске в чешском лексиконе данный фактор не является положительно влияющим (сравните успешность активации некогнатов – 60% и ложных когнатов – 65%): вероятно, опора идет на русскоязычную форму и чешской единице приписывается неверная семантика.

Далее рассмотрим фактор наличия внутренней формы – мотивирующей связи между единицей чешского языка и русской родственной единицей. Отбор единиц был осуществлен таким образом, чтобы мотивирующее слово было понятным; этимологическая связь обсуждалась на занятиях. При чешском предъявлении единиц с внутренней формой успешность активации русских слов составляет 77%, при русском – активация чешских слов с внутренней формой составляет 74%. Заметим, что процент успешной активации не слишком различается. Смешанный характер активации единиц (при движении от родного и при движении от иностранного языка) предполагал, что при активации чешских единиц с внутренней формой (связанной с русским словом) успешность была бы меньше, т. к. здесь предполагаются не фонологические, а семантические связи. А при движении от чешского лексикона к русскому активация семантически связанных с русскими единицами была бы успешнее. Однако количественные данные это не подтверждают; предположим, что это связано с тем, что активируется соответствующая по форме мотивирующая единица (*хобот*, *козак* и т.п.), т. е. семантически связанная, но не целевая. Таким образом, наш материал опровергает мнение о том, что осознание внутренней формы способствует двустороннему переводу (Медведева, 1992).

Чтобы уточнить результаты количественного анализа, проведем качественный анализ ошибок и исправлений (а не отсутствия ответа, что принималось за неуспешную активацию). При чешскоязычном предъявлении зафиксировано всего 3 случая исправлений. Первый – ~~голубика~~ черника – показывает поиск в русскоязычном лексиконе, организованном тематически (семантический принцип, установленный А. де Гроот и П. Экке). Второй – ~~конфета~~ картошка – подтверждает поиск по фонетическому сходству, причем не ясно, в каком лексиконе, так как и на русском, и на чешском первые звуки и ритм слова совпадают (*bonbon* и *brambor*). Все-таки более вероятным представляется сначала перебор внутри чешского лексикона, активация связанных фонетически (но не семантически) единиц и вывод неверной лексемы. Наше мнение подтверждается третьим примером исправления: ~~кухня~~ утка, – сначала в чешском лексиконе активируются связанные фонетически единицы, затем активируется русская единица, близкая по звучанию (*kachna* – кухня), и уже после включения проверки по семантике эта гипотеза отбрасывается. Как видим, эти исправления показывают семантическую связь русского лексикона (не всякий различит чернику и голубику) и фонетическую – иноязычного (перебор сначала фонетически связанных вариантов).

При русскоязычном предъявлении (и поиске среди чешских лексем) зафиксировано 18 ошибок и исправлений. Частотной является «стратегия» поиска среди единиц, совпадающих по фонетическому облику: в двух случаях указаны только ассоциирующиеся согласные ř (для *strouhat*) и ř (для *rybiz*).

В трех случаях примерно передан облик слова (близкий фонетический состав и ритм: *bravat* и *brosvec* вместо *broskev*, *snadana* вместо *snidaně*). Следовательно, чешскоязычный лексикон организован формально – фонетически, но фонетический облик можно назвать образом-гешталтом: поиск идет и по ассоциируемой согласной, причем не обязательно первой, и по ритму.

Поиск по внутренней форме (иногда – ложной семантизации) является столь же частотной стратегией активации единицы в чешском лексиконе: в чистом виде эта тенденция проявляется в случае с написанием единицы *zelí* (не совпадающей с единицей русского языка по форме и не имеющей явной внутренней формы) как *zelin* (ср. *зелень*), то есть даже при отсутствии явной внутренней формы информант создает ложную семантизацию с русской лексемой. Эта тенденция встречается еще в двух случаях: в употреблении *suška* вместо *sušenka* (печенье связывается с сушкой) и написании в соответствии с русской орфографией *kazak* (*kozák*) и *tvoroh* (*tvaroh*).

Отметим здесь, что, несмотря на отсутствие существенных количественных различий, качественный анализ показывает установление семантических связей чешских единиц с русскими (иногда неожиданных для экспериментатора), их ложную этимологизацию.

В 3 случаях можно отметить промежуточную стратегию – поиск и по внутренней форме, и по совпадающей внешней форме. Касается это прежде всего замены словообразовательных аффиксов: *holubica*, *holubina* (вм. *holubinka*) и *chobotnica* (вм. *chobotnice*).

Наконец, третья важная тенденция – это поиск чешских единиц по семантическим (тематическим) единицам внутри русского лексикона: *svařit* и *zvařit* даны вместо *strouhat* (*натирать на терке*, ср. со *сварить*), ~~*meruňka*~~ (*абрикос*) исправлено на *broskev* (*персик*), ~~*kiselé mléko*~~ (*кисломолочный продукт, кефир*) исправлено на *smetana* (заметим, что здесь связывается единица именно русского лексикона, т. к. по-чешски это «сливки», а не «метана»), наконец, представлена немислимая единица *svarškovy*, в отношении которой можно предположить только контаминацию лексем *švestka* (*слива*) и *broskev* (*персик*).

Выводы. Эксперимент показал разный «вес» лингвистических параметров при активации единиц МЛ при движении от родного к иностранному языку и обратно.

Параметр речевой частоты значим для активации единиц родного лексикона, и высокие частоты родного языка «транслируются» на чешские единицы, способствуя их активации. Даже некогнат успешно активируется, если в родном языке с ним связано высокочастотное слово. Однако утверждать, что перенос частот – это свойство только близкородственного МЛ, нельзя, вероятно, это универсальное свойство билингвального МЛ.

Статус когнатов действительно способствует активации единицы, особенно при движении от иноязычной единицы к родной (что подтверждает формальную организацию иноязычного МЛ). Некогнаты значительно успешнее активируются в родном языке.

В ходе анализа выявлено и влияние семантических связей внутри родного языка (тематических), т. е. чешская форма, вероятно, связана с целой тематической группой русских лексем.

Семантические мотивирующие связи естественным образом устанавливаются с единицами родного языка (что подтверждает качественный анализ), при этом реальная этимологическая связь не всегда помогает установлению таких отношений (см. количественные данные по единицам с внутренней формой). Таким образом, реальная

историческая близость чешских и русских единиц не слишком усваивается студентами, которые предпочитают ассоциировать похожие фонетически единицы (см. *zeří* и *зелень*). Как показал анализ нашего материала, устройство и активация МЛ – скорее, универсальное явление; наличие реальных исторических связей двух близкородственных языков игнорируется изучающими, которые предпочитают ложную этимологизацию, а не актуализацию действительных этимологических отношений русской и чешской лексем.

Таким образом, чешский лексикон «надстраивается» над русским, семантические связи (тематические) и частотные характеристики присутствуют именно в русском лексиконе, и именно они переносятся на чешский, чешские же единицы связаны формально-фонетически, и перебор осуществляется по ассоциируемым согласным и ритму.

Литература:

- Глазанова, Евгения В. 2001. *Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург.
- Доценко, Тамара И. Лещенко, Юлия Е. 2013. Универсальные структуры и их функции в ментальном лексиконе билингва. В: *Труды СПИИ РАН*. Вып. 2(25). С. 371-384.
- Корниевская, Светлана И. 2012. *Доступ к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь.
- Медведева, Ирина Л. 1992. *Опора на внутреннюю форму слова при овладении иностранным языком*. В: Слово и текст в психолингвистическом аспекте: Сб. науч. тр. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та. С. 73-80.
- Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru> (дата доступа 11.03.2018).
- Пойменова, Анна А. 1999. *Лексические ошибки в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь.
- Секерина, Ирина А. 2002. *Психолингвистика (Морфологическая организация и ментальный лексикон)*. В: *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*. Сборник обзоров. А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, И.А. Секерина, ред. Москва: Едиториал УРСС. С. 231-260.
- Фрумкина, Ревекка М. 1966. Объективные и субъективные оценки вероятностей слов. В: *Вопросы языкознания*. № 2. С. 90-96.
- Čermák, Frantisek. Křen, Michal. 2011. *A Frequency Dictionary of Czech*. NY, London: Routledge.
- Český národní korpus. <http://www.korpus.cz> (accessed March 11, 2018).

- Ecke, Peter. 2009. *The Tip-of-the-Tongue Phenomenon as a Window on (Bilingual) Lexical Retrieval*. In: *The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches*. Ed. Aneta Pavlenko / Bilingual Education & Bilingualism. Bristol, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters. Pp. 185-208.
- Groot, Annette M.B. de. 1993. *Word-Type Effects in Bilingual Processing Tasks: Support for a Mixed-Representational System*. In: *The Bilingual Lexicon*. Ed. Robert Schreuder and Bert Weltens / *Studies in Bilingualism (SIBIL)*. Ed. Kees de Bot & Thom Huebner. Vol. 6. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Pp. 27-52.
- Jarvis, Scott. Pavlenko, Aneta. 2008. *Crosslinguistic Influence in Language and Cognition*. NY, London: Routledge.
- Kroll, Judith F. 1993. *Assessing Conceptual Representations for Words in a Second Language*. In: *The Bilingual Lexicon*. Ed. Robert Schreuder and Bert Weltens / *Studies in Bilingualism (SIBIL)*. Ed. Kees de Bot & Thom Huebner. Vol. 6. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Pp. 53-82.
- Meara, Paul. 2009. *Connected Words: Word Associations and Second Language Vocabulary Acquisition*. *Language Learning & Language Teaching*. Ed. Nina Spada, Nelleke Van Deusen-Scholl. Vol. 24. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Schreuder, Robert. Weltens, Bert. 1993. *The Bilingual Lexicon: An Overview*. In: *The Bilingual Lexicon*. Ed. Robert Schreuder and Bert Weltens / *Studies in Bilingualism (SIBIL)*. Ed. Kees de Bot & Thom Huebner. Vol. 6. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Pp. 1-10.
- Snodgrass, Joan Gay. 1993. *Translating versus Picture Naming: Similarities and Differences*. In: *The Bilingual Lexicon*. Ed. Robert Schreuder and Bert Weltens / *Studies in Bilingualism (SIBIL)*. Ed. Kees de Bot & Thom Huebner. Vol. 6. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Pp. 83-114.